

Похищенное письмо

Двенадцать популярных и редких произведений великого писателя, среди которых «Похищенное письмо», «Человек толпы», «Бес противоречия», «Падение дома Эшеров».

Украдено письмо, которое может скомпрометировать очень влиятельную даму. Похититель шантажирует жертву. Огюст Дюпен берется добыть украденную бумагу... («Похищенное письмо»)

Очаровательная продавщица парфюмерного магазина бесследно исчезла. Полиция искала ее напрасно. Но вскоре девушка вернулась. Где она была, осталось тайной. А через некоторое время в реке нашли ее тело... («Тайна Мари Роже»)

ВЕЛИКИЕ СЫЩИКИ И ВЕЛИКИЕ МОШЕННИКИ

ЭДГАР АЛЛАН ПО

ПОХИЩЕННОЕ
ПИСЬМО

Эдгар Аллан По

Похищенное письмо

Сборник

Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга»
2017

© Shutterstock. com \ CreativeHQ, Sibrikov Valery, Stocksnapper, LiliGraphie, обложка 2017

© Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», издание на русском языке, 2017

© Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», перевод и художественное оформление, 2017

ISBN 978-617-12-2848-1 (epub)

Никакая часть данного издания не может быть скопирована или воспроизведена в любой форме без письменного разрешения издательства

Електронная версия создана по изданию:

Дванадцять популярних і рідкісних творів великого письменника, серед яких «Викрадений лист», «Людина натовпу», «Біс протириччя», «Падіння будинку Ешерів».

Викрадено листа, що може скомпрометувати дуже впливову даму. Викрадач шантажує жертву. Огюст Дюпен береться здобути вкрадену бумагу... («Викрадений лист»)

Чарівлива продавщиця парфумерного магазину безслідно зникла. Поліція шукала її марно. Але незабаром дівчина повернулася. Де вона була, залишилося таємницею. Та через певний час в річці знайшли її тіло... («Таємниця Марі Роже»)

По Э.-А.

П41 Похищенное письмо : сборник / Эдгар Аллан По ; пер. с англ. В. Михалюка, М. Энгельгардта, К. Бальмонта, П. Лачинова, Л. Уманца, Д. Михаловского ; сост. Е. Рыбакова ; предисл. А. Климова. — Харьков : Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга» ; Белгород : ООО «Книжный клуб “Клуб семейного досуга”», 2017. — 288 с. — (Серия «Великие сыщики и великие мошенники», ISBN 978-617-12-2533-6 (Украина))

ISBN 978-617-12-2532-9 (Украина)

ISBN 978-5-9910-3847-8 (Россия)

Дванадцать популярных и редких произведений великого писателя, среди которых «Похищенное письмо», «Человек толпы», «Бес противоречия», «Падение дома Эшеров».

Украдено письмо, которое может скомпрометировать очень влиятельную даму. Похититель шантажирует жертву. Огюст Дюпен берется добыть украденную бумагу... («Похищенное письмо»)

Очаровательная продавщица парфюмерного магазина бесследно исчезла. Полиция искала ее напрасно. Но вскоре девушка вернулась. Где она была, осталось тайной. А через некоторое время в реке нашли ее тело... («Тайна Марі Роже»)

УДК 821.111.(73)

ББК 84(7США)

Перевод с английского: *В. Михалюка, М. Энгельгардта, К. Бальмонта, П. Лачинова, Л. Уманца, Д. Михаловского*

Предисловие *А. Климова*

В оформлении обложки использована иллюстрация Джона Эткинсона Гримшоу «Отражения на поверхности Темзы, Вестминстер» (1880)

Дизайнер обложки *Сергей Ткачев*

Сумрачный волшебник

Эдгар Аллан По (1809—1849) был первым и, пожалуй, самым важным для детективного жанра автором. Блестящий прозаик, поэт, эссеист, он далеко опередил свое время и внес в мировую литературу такие присущие ему самому черты, как иррациональность, мистицизм, чувство обреченности, аномальные состояния человеческого духа. Сама жизнь этого уникально одаренного писателя, по печальному стечению обстоятельств, могла бы послужить материалом для произведений в этом жанре. При этом сам По настаивал: детектив должен быть одновременно увлекательным и скучным, сентиментальным и ужасающим, а главное: он должен состоять из города, зависеть от него, быть его самой точной, самой полезной и в то же время самой невероятной картой.

Эдгар По родился в Бостоне, США, в семье бродячих актеров. Семья эта вскоре распалась — отец исчез, а мать спустя пару лет умерла от чахотки, и осиротевший мальчик был взят на воспитание в семью Джона Аллана, состоятельного и бездетного торговца из Ричмонда. Эдгар рос в самой благоприятной атмосфере, получая домашнее образование. В 1826 году он стал студентом Виргинского университета в Шарлоттсвилле, где впервые оказался на долгое время предоставлен самому себе.

Статус «истинного джентльмена» подразумевал времяпровождение за карточным столом и пристрастие к дорогим напиткам. В результате к концу первого учебного года долги Эдгара составили две с половиной тысячи долларов — громадную по тем временам сумму. Джон Аллан отказался признать эти долги, и Эдгару, несмотря на блестящие успехи в учебе, пришлось оставить университет.

Именно в это время Эдгар По впервые серьезно погрузился в творчество. Однако отношения с приемным отцом были напрочь испорчены, и в 1827 году Джон Аллан выгнал приемыша из дома. Эдгар, не имея ни цента в кармане, отправился в Норфолк, а затем и в Бостон. Там он познакомился с молодым издателем Кэлвином Томасом и опубликовал свой первый сборник стихотворений — тиражом в

пятьдесят экземпляров. Они продавались по 12 центов за штуку, а в 2009 году один из чудом сохранившихся экземпляров был приобретен коллекционером за рекордную для американской литературы сумму — шестьсот шестьдесят две тысячи долларов.

В том же 1827 году нужда заставила Эдгара По завербоваться в армию. Местом его службы в качестве рядового-артиллериста был остров Салливан, чья природа стала фоном событий, изображенных в новелле «Золотой жук». Все свободное от службы время девятнадцатилетний юноша тратил на чтение и сочинительство. Лишь с большим трудом Эдгару удалось расторгнуть армейский контракт.

В ожидании поступления в военную академию Вест-Пойнт Эдгар поселился у родственников в Балтиморе. В это время писатель завязал отношения с издателями и опубликовал еще один стихотворный сборник, оставшийся практически незамеченным критикой. В Вест-Пойнт Эдгар По был зачислен в 1830 году, но вскоре решил вырваться из стен этого почтенного заведения. Это оказалось непросто, и тогда он прибег к бойкоту — начал игнорировать занятия, поверки и караулы, в результате угодил под суд, провел некоторое время под арестом и был окончательно уволен со службы.

В 1831 году Эдгар По отправился в Нью-Йорк, где начал сотрудничать с различными издательствами в качестве критика и эссеиста, но безденежье вынудило его обратиться к прозе. Он принял участие в литературном конкурсе на лучший рассказ, отправив туда только что написанные новеллы «Метценгерштейн», «На стенах иерусалимских», «Существенная потеря» и «Несостоявшаяся сделка», однако не получил награды, составлявшей ровно сто долларов. Зато в следующем году все эти новеллы были опубликованы, а По продолжал создавать рассказ за рассказом. Вскоре его «Рукопись, найденная в бутылке» все же получила первую премию на конкурсе и удостоилась превосходных отзывов. Фактически, это было первым признанием таланта Эдгара По.

Его новеллы начали публиковать на страницах ричмондского ежемесячника «Southern Literary Messenger», а вскоре издатель предложил ему должность помощника редактора. Однако благополучие длилось недолго: приступ глубокой депрессии и тяжелый запой привели к увольнению и потере единственного источника доходов.

16 мая 1836 года Эдгар По женился на Вирджинии Клемм, которая приходилась ему двоюродной сестрой. В день бракосочетания ей было всего тринадцать лет.

Как раз в тот период Эдгар По начал свой самый большой прозаический текст — «Повесть о приключениях Артура Гордона Пима». Время это было не лучшим для того, чтобы жить литературным трудом. Из-за кризиса закрывались многие газеты и журналы, а уцелевшие резко сокращали штат. Но вынужденная безработица позволила По полностью сосредоточиться на творчестве. Из-под его пера один за другим выходят шедевры — «Лигейя», «Черт на колокольне», «Падение дома Эшеров», «Вильям Вильсон».

Летом 1838 года Эдгар По с семьей переехал в Филадельфию и стал сотрудником только что созданного ежемесячника «American Museum», а после скорой «кончины» этого издания получил должность редактора в журнале «Burton's Gentleman's Magazine» — с окладом десять долларов в неделю, что позволяло семье наконец-то снять приличное жилье.

В декабре 1839 года были опубликованы «Гротески и арабески» — двухтомное собрание, включавшее двадцать пять новелл, написанных к тому времени Эдгаром По. Эта книга впервые была замечена рецензентами и получила положительные отклики. Но публика не оценила «сумрачного гения» — сборник плохо продавался. Зато в 1841 году в новом журнале «Graham's Magazine» увидела свет новелла, которая впоследствии принесла По славу родоначальника детективного жанра — «Убийство на улице Морг». Вскоре у журнала было уже 40 тысяч подписчиков, чему способствовала и публикация новеллы «Низвержение в Мальстрём».

В январе 1842 года у юной жены писателя случился первый тяжелый приступ туберкулеза, сопровождавшийся горловым кровотечением. По снова потерял душевное равновесие и способность работать. Начался период частых и длительных запоев, и владелец журнала вынужден был с ним расстаться. Последним произведением По, опубликованным в «Graham's Magazine», была повергающая в трепет «Маска Красной смерти».

Болезнь жены надломил душевное здоровье писателя. Его терзания нашли отражение в рассказах «Колодец и маятник» и «Сердце-обличитель». По искал выход в творчестве, но даже

публикация нашумевшей новеллы «Тайна Мари Роже» не спасла положение — долги продолжали расти, в январе 1843 года окружной суд Филадельфии признал Эдгара По банкротом, хотя тюремного заключения ему удалось избежать.

Несмотря на невыносимое финансовое положение и депрессии, литературная слава Эдгара По неуклонно росла. Его произведения публиковались во многих американских изданиях, критики наконец-то заметили незаурядный талант автора и гипнотическую мощь его воображения. Даже литературные враги не могли отрицать очевидного. В течение двух лет увидели свет блистательные новеллы «Черный кот», «Очки», «Повесть Крутых гор», «Преждевременное погребение», «Месмерическое откровение» и «Ангел необъяснимого». Новелла «Золотой жук» была перепечатана десятки раз в различных изданиях в США и Европе. А знаменитое стихотворение «Ворон», написанное уже после того, как По с женой поселились в окрестностях Нью-Йорка, сделало его литературной фигурой поистине национального масштаба.

В 1845 году По опубликовал рассказ, получивший название «Бес противоречия». В нем отразилась природа исключительно противоречивой натуры самого автора. Одержимый собственным «бесом», писатель на протяжении всей жизни совершал спонтанные и нелогичные поступки, неизбежно приводившие его к катастрофам. Так случилось и тогда, когда он, казалось бы, достиг вершины славы.

Погрузившийся в борьбу с недругами По почти утратил способность писать, а состояние его жены, прикованной к постели, тем временем ухудшалось день ото дня, и призрак нищеты снова маячил на пороге их дома. Тридцатого января 1847 года Вирджиния По скончалась. Эдгар едва пережил ее смерть и сам надолго слег.

Последние два года его жизни превратились в мучительный поединок выдающегося таланта, воли к жизни и физической деградации. Смерть писателя последовала 7 октября 1849 года и до сих пор окутана массой тайн, недомолвок и мифов. Доподлинно известно только то, что 3 октября Эдгар По, одетый в рваную и грязную одежду, был обнаружен практически в невменяемом состоянии на скамье близ избирательного участка четвертого округа в Балтиморе. Он не мог самостоятельно передвигаться и связно говорить, не мог вспомнить, как оказался в этом городе. Несмотря на усилия врачей, его состояние

к шестому октября еще ухудшилось, и утром седьмого он скончался. Последними словами Эдгара Аллана По были: «Господи, помоги моей бедной душе!»

А. Климов

Надувательство как точная наука

Гули-гули, кошки дули. Было твое, стало мое!

С о дня сотворения мира было два Иеремии. Один сочинил иеремиаду о ростовщичестве, и звали его Иеремия Бентам[1]. Этим человеком премного восхищался мистер Джон Нил[2], и в некотором смысле он был велик. Второй дал имя[3] одной из важнейших точных наук и был великим человеком в прямом смысле, а бы даже сказал, в прямейшем из смыслов.

Что такое надувательство (либо абстрактная идея, которую означает глагол «надувать»), в общем-то, понятно каждому. Тем не менее довольно сложно дать определение факту, поступку или процессу надувательства как таковому. Можно получить более-менее удовлетворительное представление о данном понятии, определив не само надувательство, а человека как животное, которое занимается надувательством. Если бы до этого додумался Платон, он бы не стал жертвой шутки с ощипанной курицей.

Платону задали вполне справедливый вопрос: почему, если он определяет человека как «двуногое существо, лишенное перьев», ощипанная курица не является человеком? Впрочем, я не собираюсь сейчас искать ответы на подобные вопросы. Человек — существо, которое надувает, и нет ни одного другого животного, которое способно надувать. И с этим ничего не поделать даже целому курятнику отборных куриц.

Если говорить по существу, сама идея, принцип надувательства является характерной чертой того класса живых существ, которые носят сюртуки и панталоны. Сорока ворует, лиса плутует, хорек хитрит, а человек надувает. Ему на роду написано надувать. «Людской удел — страданья»[4], — сказал поэт. Но это не так, людской удел — надувать. Таково его предназначение, его цель, его судьба. И именно поэтому, когда человек кого-то надувает, о нем говорят, что он «отпетый».

Надувательство, если рассматривать его в правильном свете, это структура, составными компонентами которой являются: мелкий масштаб, интерес, настойчивость, находчивость, смелость, бесстрастность, оригинальность, дерзость и веселость.

Мелкий масштаб. Надувала мелочен. Масштаб его действий незначителен. Дела его сводятся к наличным деньгам или чекам на предъявителя. Если он решается перейти к большему, и масштаб его действий увеличивается, такой человек сразу же утрачивает отличительные признаки и становится тем, кого мы называем «дельцом». Этот термин во всех отношениях совпадает с понятием надувательства за одним исключением — размах. Таким образом, надувалу можно рассматривать, как банкира *in petto*[5], а его «финансовые операции» — как надувательство в Бробингнеге. Один соотносится с другим, как Гомер соотносится с «Флакком»[6], как мастодонт соотносится с мышью, или хвост кометы соотносится с хвостиком свиньи.

Интерес. Надувала преследует собственные интересы. Он с презрением относится к надувательству ради надувательства. У него есть определенная цель: карман, как собственный, так и ваш. Он всегда корыстен и заботится только о Номере Первом. Ваш номер второй, и о себе вы должны позаботиться сами.

Настойчивость. Надувала настойчив. Его не так-то просто обескуражить. Даже если разоряются банки, это его ничуть не смущает, он продолжает упорно добиваться своих целей, и «*Ut canis a cogio nunquam absterrebitur*»[7], поэтому добычу свою он никогда не упустит.

Находчивость. Надувала находчив. В нем заложено большое конструктивное начало. Он полностью понимает, что происходит. Он изобретает и выдумывает. Если бы он не был Александром, он бы хотел быть Диогеном[8]. Если бы он не был надувалой, он был бы изобретателем крысоловок или ловцом форели.

Смелость. Надувала смел. Это отважный человек. Он может начать войну в Африке, он берет приступом. Он не испугается кинжалов Фрея Херрена[9]. Хорошим надувалой мог бы стать Дик Терпин[10], будь у него чуть больше благоразумия, или Даниел О'Коннелл[11], не будь он таким подхалимом, или Карл Двенадцатый, будь у него побольше мозгов.

Бесстрастность. Надувала бесстрастен. Он не испытывает нервного волнения. У него вообще нет нервов. Он никогда не суетится. Его ничто не выводит из себя, разве что, когда его выводят за дверь. Он не теряет хладнокровия. Он всегда спокоен... «спокоен, как улыбка леди Бэри»[12]. Он держится просто и свободно, как старая перчатка или как девицы античного Байи[13].

Оригинальность. Надувала оригинален. Честно, без подвохов. Его мысли — это его собственные мысли. Он считает ниже своего достоинства пользоваться чужими. Избитая хитрость ему противна. Я уверен, он вернет кошелек, если узнает, что способ, которым он его получил, не оригинален.

Дерзость. Надувала дерзок. Он держится развязно, стоит подбоченясь или засунув руки в карманы брюк. Глядя на вас, он презрительно усмехается. Он наступает на любимые мозоли. Он ест ваш обед, пьет ваше вино, занимает у вас деньги, водит вас за нос. Он может пнуть вашего пуделя и поцеловать вашу жену.

Веселость. Настоящий надувала все делает с усмешкой. Но кроме него самого, этого не видит никто. Он усмехается, заканчивая дневную работу, когда дело сделано, усмехается дома в своем кабинете и делает это для собственного удовольствия. Он идет домой, запирает дверь, раздевается, зажигает свечку, ложится в кровать, кладет голову на подушку, и на устах его появляется усмешка. Это не предположение, это истинный факт. Это следует а priori[14], и без усмешки надувала не будет надувалой.

Можно говорить о том, что надувательство зародилось, когда человечество пребывало еще в младенчестве. Первым надувалой, возможно, был Адам. Во всяком случае, следы этой науки мы видим даже в самые ранние периоды истории. Однако современные надувалы довели ее до такой степени совершенства, которая и не снилась нашим тупоголовым прародителям. Поэтому, не отвлекаясь на «мудрость древних», я сразу перехожу к «примерам наших дней».

Вот прекрасный пример надувательства. Скажем, домохозяйке нужен новый диван. Объездив несколько мебельных магазинов, она наконец находит тот, в котором представлен самый большой выбор. У двери ее приветствует и приглашает войти вежливый и словоохотливый господин. Она находит диван по своему вкусу и, справившись о цене, приятно удивляется услышанной цифре, которая

как минимум на двадцать процентов ниже той суммы, которую она ожидала. Она спешит оформить покупку, платит, получает квитанцию, называет адрес, просит доставить товар побыстрее и уходит. Не скупящийся на поклоны продавец провожает ее до самой двери. День подходит к концу, но диван так и не везут. Посылается слуга, чтобы выяснить причину задержки. Но в магазине ничего не знают о сегодняшней сделке. Никакого дивана они не продавали, и денег никто не получал... кроме надувалы, который выдал себя за продавца.

В наших мебельных магазинах обычно никого нет, и они являются прекрасным местом для подобного рода хитростей. Посетители в них заходят, смотрят на мебель, уходят, и за этим даже никто не следит. Если покупатель присмотрит товар или захочет узнать цену, у него под рукой звонок, и это считается очень удобным.

Еще один весьма ловкий способ надуть ближнего. Хорошо одетый человек заходит в магазин, совершает покупку на доллар, с досадой обнаруживает, что оставил бумажник в кармане другого пальто и говорит продавцу:

— Ничего страшного! Я ведь могу попросить доставить пакет мне домой, не так ли? Вы меня весьма обяжете. Впрочем, постойте, у меня дома, кажется, есть только пятидолларовые купюры. Да не беда, просто сразу пошлите с пакетом четыре доллара сдачи.

— Разумеется, сэр, — отвечает продавец, проникшийся предусмотрительностью своего покупателя, а про себя думает: «Другой бы на его месте просто взял свою покупку и ушел, пообещав занести доллар днем».

Посылается мальчик-курьер с пакетом и сдачей. По дороге совершенно случайно его встречает покупатель, который восклицает:

— О, это никак мой пакет? А я думал, его уже давно доставили. Ладно, несите дальше, моя жена, миссис Троттер отдаст вам пять долларов... я оставил ей указания на этот счет. Сдачу можете отдать мне, мне как раз нужна мелочь, чтобы на почту зайти. Очень хорошо! Один, два — это не фальшивый четвертак? — три, четыре... Все верно. Передайте миссис Троттер, что встретили меня по дороге. И я вас очень попрошу больше нигде не задерживаться.

Курьер и не думает задерживаться, но все же в магазин он возвращается очень нескоро, потому что... никакой миссис Троттер по указанному адресу найти ему не удастся. Впрочем, утешая себя

мыслью, что не такой он дурак, чтобы оставить товар, не получив за него деньги, мальчишка заходит в магазин с гордым видом и чувствует некоторую обиду и даже возмущение, когда хозяин спрашивает, что он сделал со сдачей.

Еще одно очень простое надувательство. Капитану судна, которое готовится к отплытию, некий официального вида господин вручает необычайно скромный счет портовых пошлин. Капитан, у которого голова забита тысячей навалившихся одновременно других дел, радуясь, что удалось так легко отделаться, незамедлительно выплачивает указанную сумму. Через пятнадцать минут еще один, на этот раз не такой скромный счет, предъявляет ему человек, который вскоре убеждает капитана, что его надули, и первый сборщик был липовым.

Еще один пример из того же разряда. Пароход уже отчаливает от берега, когда в порту показывается пассажир, который мчится со всех ног к пристани с дорожной сумкой в руках. Вдруг он останавливается, наклоняется и с очень взволнованным видом что-то подбирает с земли. Это бумажник. Запоздавший пассажир кричит:

— Кто потерял бумажник?

У всех бумажники как будто на месте, но среди пассажиров возникает большое волнение, когда выясняется, что в бумажнике довольно значительная сумма. Однако отплытие нельзя откладывать.

— Мы не можем ждать, — говорит капитан.

— Господи Боже, ну задержитесь хотя бы на несколько минут, — говорит ему человек, нашедший бумажник. — Его хозяин наверняка сейчас появится.

— Семеро одного не ждут, — отвечает командир судна. — Эй вы там, отдать швартовы!

— Что же мне делать? — в волнении и растерянности восклицает запоздавший пассажир. — Я уезжаю из страны на несколько лет и не могу так надолго оставлять себе этакую сумму. Прошу прощения, сэр, — обращается он к господину на берегу, — но вы похожи на честного человека. Могу я попросить вас взять на хранение этот бумажник... я уверен, на вас можно положиться... и дать объявление о его находке? Понимаете ли, здесь очень большая сумма. Его хозяин наверняка отблагодарит вас за неудобства...

— Меня? Нет, вас! Это же вы нашли бумажник.

— Ну, если вы так считаете... Хорошо, я приму небольшое вознаграждение... Исключительно ради того, чтобы вас не мучила совесть. Посмотрим... Но тут одни сотни! Черт, я не могу взять целую сотню... Я думаю, пятидесяти вполне хватит...

— Отдать швартовы! — кричит капитан.

— Но у меня не будет сдачи с сотни. Пожалуй, будет лучше, если вы...

— Не беспокойтесь! — кричит господин на берегу, который последнюю минуту или около того роется в собственном бумажнике. — Не беспокойтесь! У меня есть полтинник... Бросайте бумажник.

И сознательный пассажир, смущаясь, с явной неохотой принимает пятьдесят долларов и бросает господину на берегу найденный бумажник. Пароход, шипя и выпуская клубы пара, отправляется в путь. Примерно через полчаса после отправления выясняется, что вместо «крупной суммы» в бумажнике лежит «кукла», и становится понятно, что все это дело — чистой воды надувательство.

А вот пример смелого надувательства. Проводится какая-нибудь лагерная встреча с проповедником — или нечто в этом роде — в месте, до которого можно добраться, только пройдя по мосту. Надувала становится на мосту и вежливо сообщает всем, кто по нему проходит, что, согласно новому указу властей графства, за проход по мосту отныне будет взиматься плата: один цент с человека, два цента с лошади и осла, и так далее. Кому-то это не нравится, кто-то ворчит, но все исправно платят, и в результате надувала становится богаче на пятьдесят-шестьдесят честно заработанных долларов. Подобный обман большой группы людей — дело довольно хлопотливое.

Следующий пример можно назвать изящным. Кто-то из знакомых надувалы дает ему займы деньги. Заполняются обычные напечатанные красными чернилами бланки, все подписывается как положено. Затем надувала покупает пару дюжин таких бланков и каждый день берет один листок, макает в суп, дразнит им свою собаку, а потом скармливает его ей в качестве *bonne bouche*[15]. Когда подходит срок платежа, надувала вместе с собакой отправляется к этому знакомому и заводит разговор о выплате долга. Но едва знакомый успевает достать из *escritoire*[16] заверенный подписями долговой бланк, как на него бросается собака и сжирает долговую расписку. Надувала не только озадачен, но и возмущен подобным

поведением своей собаки, можно сказать, даже приходит в ярость, но выражает полную готовность погасить долг, как только будут представлены доказательства его задолженности.

А вот мелкое надувательство. Некую леди на улице оскорбляет сообщник надувалы. Сам надувала спешит ей на помощь и делает вид, что задает трепку хулигану, после чего настаивает на том, чтобы на всякий случай проводить леди домой. У ее двери он, приложив руку к сердцу, вежливо прощается. Но леди приглашает спасителя зайти к ней, чтобы представить старшему брату и отцу. Со вздохом он отклоняет предложение. Тогда леди смущенно произносит:

— Сэр, могу ли я как-то иначе выразить вам свою благодарность?

— Если вы настаиваете, сударыня... Может быть, вы одолжите мне пару шиллингов?

Первым делом леди решает тотчас лишиться чувств, однако, немного подумав, все же раскрывает кошелек и достает означенную сумму. Но я бы сказал, что это очень мелкое надувательство, поскольку добрую половину полученной суммы надувала должен будет отдать тому господину, который изображал хулигана и подставлял бока под его удары.

А вот небольшое надувательство с научным подходом. Надувала заходит в буфет трактира и просит пару скруток табаку. Получив их, он окидывает взглядом свой заказ и говорит:

— Что-то не очень мне нравится этот табак. Заберите-ка его обратно, а взамен дайте стакан бренди с водой.

Бренди с водой налито, он выпивает и спокойно направляется к выходу. Однако голос хозяина трактира заставляет его задержаться.

— Сэр, по-моему, вы забыли расплатиться за бренди с водой.

— Расплатиться за бренди с водой? А разве я не отдал вам табак за бренди с водой? Что вам еще нужно?

— Но позвольте, сэр, я не припомню, чтобы вы заплатили мне за табак.

— Это что же вы хотите сказать? Разве я не вернул вам ваш табак? Разве это не он все еще лежит перед вами на стойке? Вы что же, хотите, чтобы я заплатил за то, чего не брал? Каков наглец!

— Но, сэр! — восклицает в растерянности трактирщик. — Но, сэр...

— Никаких «но», сэ, — возмущенно прерывает его надувала и, добавив: — А подобные штучки с посетителями могут для вас плохо кончиться! — хлопнув дверью, уходит.

Теперь очень умное надувательство, не последней рекомендацией которому служит сама его простота. Потерян настоящий кошелек или бумажник. Потерявший дает объявление в городской газете с его подробным описанием. Наш надувала дает точно такое же объявление, изменив заголовок, порядок слов и адрес. Например, подлинное объявление, длинное и многословное, идет под заголовком «Утерян бумажник!», и находку в нем просят доставить в дом № 1 по Том-стрит. Фальшивое объявление короче, озаглавлено «Потеря» и в нем указано, что владельца потерянного бумажника можно найти в доме № 2 по Дик-стрит или № 3 по Гарри-стрит. Далее, это объявление размещается в пяти-шести ежедневных газетах и выходит из печати всего через несколько часов после появления подлинного объявления. Если оно и попадет на глаза тому, кто на самом деле потерял бумажник, вряд ли он заподозрит связь между ним и собственным несчастьем. Но, конечно же, шансы пять или шесть к одному, что тот, кто найдет бумажник, принесет его надувале, а не истинному владельцу. Получив бумажник, наш надувала платит обещанное вознаграждение и снимается с якоря, только его и видели.

Следующее надувательство очень похоже на предыдущее. Какая-нибудь светская модница теряет на улице очень дорогое кольцо с бриллиантом. Тому, кто его найдет, она обещает сорок-пятьдесят долларов вознаграждения и в объявлении дает подробнейшее описание камня и оправы, добавляя, что вознаграждение будет выплачено тотчас и без расспросов, как только потерю доставят в такой-то дом на такой-то авеню. Дня через два в таком-то доме на такой-то авеню, когда леди нет дома, раздается звонок. Дверь открывает слуга, гость спрашивается о леди, но, узнав, что ее нет, немало огорчается, поскольку дело у него важное и касается самой леди. Выясняется, что ему посчастливилось найти потерянное ею бриллиантовое кольцо. Впрочем, посетитель высказывает желание зайти в другой раз.

— Ни в коем случае! — восклицает слуга.

— Ни в коем случае! — восклицают призванные сестра и золовка леди.

После чего кольцо осматривают, шумно признают подлинным, выплачивают обещанное вознаграждение и человек, его нашедший, чуть ли не бегом удаляется. Через какое-то время возвращается леди и выражает некоторое неудовольствие тем фактом, что ее сестра и золовка заплатили сорок-пятьдесят долларов за копию ее кольца, копию, изготовленную из томпака и стразов.

Поскольку способам надувательства нет счета, очерк этот затянется до бесконечности, если я даже захочу перечислить всего лишь половину видов или вариаций, которые допускает эта наука. Посему мне приходится заканчивать это исследование, и лучше всего будет завершить его общим рассказом о том простом, но искусно исполненном надувательстве, ареной для которого не так давно послужил наш город и которое впоследствии с таким же успехом повторилось и в других местах Штатов, где живут еще более простодушные люди.

Из неведомых краев в город прибывает степенный мужчина средних лет. В своих привычках он очень аккуратен, предусмотрителен и нетороплив. На нем добротный, но простой и неброский костюм: белый галстук, свободный жилет, покрой которого продиктован исключительно заботой об удобстве, мягкие туфли на толстой подошве и панталоны без штрипок. Больше всего он похож на основательного, преуспевающего, сдержанного и уважаемого «делового человека» *par excellence*[17], одного из той категории суровых и непреклонных внешне, но мягких в душе людей, наподобие тех, которых мы видим в заумных комедиях, на чье слово можно положиться, и которые известны тем, что одной рукой раздают на благотворительные цели гиней, но другой, когда доходит до деловых интересов, готовы вытрясти из человека последний грош.

Вселяясь в пансион, он успевает наделать много шума. Он не любит детей. Он привык к тишине. У него строгий распорядок дел, и он хотел бы жить у тихой, уважаемой и желательной набожной семьи. Впрочем, остальные условия его не интересуют, единственное, на чем он настаивает, это, чтобы счет ему предоставляли первого числа месяца (сейчас второе). Выбрав наконец комнату, он просит хозяйку строго соблюдать его инструкции: счет должен предоставляться ему ровно в десять часов утра в первый день месяца, и переносить оплату на второе число нельзя ни в коем случае.

Итак, обсудив условия и договорившись с хозяевами, наш деловой человек снимает помещение под контору скорее в респектабельном, чем фешенебельном районе города. Ничто не вызывает большего отвращения у нового постояльца, чем притворство и показуха. «В том, что броско, редко можно сыскать истинную глубину», — говорит он, и изречение это оказывает такое впечатление на его хозяйку, что она даже записывает его карандашом в толстой семейной Библии, на широком поле страницы рядом с Притчами Соломона.

Следующий шаг — размещение такого объявления в главных шестидесяти деловых газетах города (одноцентровые газеты отвергаются на том основании, что они не достаточно «респектабельны», и в них требуют плату за выход объявления вперед, а наш деловой человек свято верит в то, что нечего платить за работу, пока она не выполнена):

«ТРЕБУЮТСЯ

Податели сего объявления, намеревающиеся проводить в этом городе крупные деловые операции, готовы принять на работу трех-четырёх грамотных и опытных клерков, каковым будет выплачиваться значительное жалование. Желаящим получить должность необходимо иметь лучшие рекомендации, в которых основное внимание следует уделить не рабочим навыкам, а честности претендента. Поскольку обязанности, которые предстоит выполнять принятым на должность, связаны с большой ответственностью и через руки сотрудников будут проходить весьма значительные денежные суммы, каждый принятый на работу клерк должен будет внести гарантийный залог в размере пятидесяти долларов. Поэтому господ, которые не готовы предоставить означенную сумму на хранение подателям сего заявления, или не имеют исчерпывающих гарантий относительно своей честности, просят не беспокоиться. Предпочтение будет отдаваться молодым людям религиозного склада ума. Заявки будут приниматься между 10 и 11 часами утра и 16—17 часами вечера, обращаться в фирму “Трах, Бах, Крах, Прах и Ко” по адресу: Швах-стрит, дом № 110».

К тридцать первому дню месяца объявление приводит в контору господ Траха, Баха, Краха, Праха и Ко около пятнадцати — двадцати

молодых людей религиозного склада ума. Но наш деловой человек не спешит заключать контракты (деловые люди вообще не любят спешки), и лишь после того как будут проведены самые строгие проверки относительно благочестия каждого из претендентов, избранные смогут приступить к выполнению обязанностей и будут выписаны расписки в получении пятидесяти долларов, которые необходимы уважаемой фирме «Трах, Бах, Крах, Прах и Ко» исключительно в качестве надлежащей меры предосторожности. Утром первого дня следующего месяца хозяйка пансиона вопреки договоренности не предоставляет счет за услуги, за что наверняка получила бы самый строгий выговор от глубокоуважаемого главы «аховой» компании, если бы что-то смогло убедить его задержаться в городе хотя бы еще на один-два дня, что дало бы ему возможность узнать о ее проступке.

Ну а пока констебли сбились с ног, бегая по всему городу, но все, что они могут сделать, — это объявить, что нашего делового человека «и след простыл», что некоторые люди воспринимают как объявление его *n. e. i.*, что в свою очередь должно означать классическую фразу *non est inventus*[18]. А тем временем все до единого молодые люди в значительной степени утрачивают былую религиозность, а хозяйка пансиона тратит шиллинг на покупку самой лучшей резинки, чтобы стереть карандашную надпись, которую какой-то дурак оставил в толстой семейной Библии на широких полях Притчей Соломоновых.

Черный кот

История, о которой я собираюсь поведать, совершенно чудовищна и в то же время очень проста. Я не жду, что кто-то поверит, будто такое могло случиться, и не прошу об этом. С моей стороны было бы истинным безумием ожидать доверия, ибо мой собственный разум отказывается верить свидетельствам чувств. И все же я не безумен... и уж точно то, что произошло, мне не приснилось. Но завтра я умру и сегодня я хочу облегчить душу. Моя цель — в простых словах, кратко и без комментариев поведать миру о череде самых обычных событий, произошедших у меня дома. О череде событий, которые вселили в меня страх... заставили страдать... привели к гибели. Но я не стану пытаться объяснить, что произошло, ибо для меня то, что было, — неизъяснимый ужас... хотя многим это покажется не столько страшным, сколько *baroque*[19]. Когда-нибудь, возможно, сыщется интеллект, который лишит пережитое мною иллюзий... какой-нибудь более сдержанный, более логический и гораздо менее возбудимый разум, чем мой, разум, который в тех обстоятельствах, о которых я вспоминаю с трепетом, увидит всего лишь обычную череду естественных причин и следствий.

Кінець безкоштовного уривку. Щоби читати далі, придбайте, будь ласка, повну версію книги.

Рекомендована література

**Важливо, щоб ваші
батьки прочитали цю
книжку (а ваші діти
радітимуть, якщо і ви
це зробите)**

**Перейти до категорії
Детективи**

ridmi
ТВІЙ УЛЮБЛЕНИЙ КНИЖКОВИЙ

КУПИТИ